

Большая семья, большая Родина

В редакцию «Мономаха» иногда заглядывает Клавдия Ивановна Уральская (в дев. Мухортова) с семейными фотографиями, снимками, запечатлевшими жизнь и быт односельчан, старую Волгу, какая она была до затопления. Клавдия Ивановна родилась в селе Кайбелы Чердаклинского района в 1935 году. Она и сегодня, несмотря на солидный возраст, полна энергии, воодушевлена краеведческими поисками и кропотливо собирает сведения об односельчанах. Родные дома, могилы предков, живописные берега – всё поглотило в 1955 году Куйбышевское водохранилище. Разве можно это забыть? Мы записали рассказ Клавдии Ивановны о большой семье, о быте и судьбах сельчан, о любимой Волге.

Клава Мухортова (Уральцева). - г. Куйбышев. 1955

Село Кайбелы имеет второе название – Ильинское. История села уходит в глубь веков. Первые люди появились здесь во II тысячелетии до н. э. В XIII–XIV веках на этом месте было Симбирское городище, о чём свидетельствовал Кайбельский могильник VIII–IX веков. С тех пор, как в середине 1950-х годов село скрылось под водами Куйбышевского водохранилища, потонула и надежда археологов раскопать холмы древнего городища и открыть его тайны. Жителей Кайбелы переселили в 1954–1955 годах в соседнее село Крестово-Городище Чердаклинского района.

Предположительно, село Кайбелы возникло в начале XVII века, его основал служилый татарин Кайбула Карамышев, которому эти земли достались по заслугам. Есть и другие версии названия, основанные на переводе с татарского языка. Как бы то ни было, но уже в начале

XVIII века село было русским, стояла церковь Илии Пророка, и село получило второе название – Ильинское. В 1879 году церковь сгорела, новый храм построили в 1894 году (перед затоплением церковь разобрали, а брёвна использовали для клуба в селе Крестово-Городище). По данным переписи 1848 года, здесь в 67 дворах проживал 548 человек. Они не были крепостными крестьянами и принадлежали удельному ведомству. К концу XIX века в селе было 156 дворов и проживал 801 человек, а в начале XX века – уже 181 двор и 912 жителей. В селе действовали церковно-приходская школа, кирпичный завод, паровая и пять ветряных мельниц, были развиты ремёсла.

Когда мой отец был тяжело болен и лежал в госпитале в Ульяновске, он попросил маму подкатить кровать (она была на колёсиках) к окну, откуда открывался прекрасный вид на Волгу: «Я на Кайбелы последний раз посмотрю...» Что он там мог увидеть –

Иван Пименович Мухортов. 1917

за 12 километров? Но вот что значит для всех нас Родина.

Мой отец Иван Пименович Мухортов родился в Кайбелах в 1897 году. Он был с характером, но в колхоз пошёл, работал до войны учётчиком. Ему было 44 года, когда его призвали на фронт, а в 1943 году его демобилизовали по ранению. Отец пришёл израненный, больной, у него началась гангрена. Достали антибиотики (они только появились, купить их было трудно) и ногу спасли, но папа умер рано, в 1950 году. Мама прожила 80 лет. Она тоже очень любила Кайбелы.

Отец родился в большой семье Мухортовых. Всем детям родители дали специальность, вырастили трудолюбивых, добрых людей.

Мама Агриппина Ивановна Ерёмкина тоже родилась в Кайбелах, она с 1901 года. Настоящая фамилия её предков неизвестна – они были беглыми крестьянами. В Кайбелах жили вольные люди, и беглых братьев приютил Михаил Михайлович Ерёмин, он усыновил маминго деда Прохора и дал ему свою фамилию Ерёмин.

У мамы образование – два класса, у отца – три, но он считался грамотным, после войны работал в сельсовете секретарём – выписывал свидетельства о рождении и смерти.

Первая жена отца умерла молодой, осталась двухлетняя дочь Вера 1921 года рождения.

И у мамы до замужества случилась своя история – она родила дочку Валю без мужа – в то время

Бабушка Пелагея Мухортова

Агриппина Мухортова,
мама Клавдии Ивановны

редкое явление. Отец девочки – из красивых и ненадёжных. Валя через год умерла.

Папина мать бабушка Пелагея Мухортова была мудрой женщиной и свела отца с Агриппиной – уверена была, что она станет хорошей хозяйкой и матерью для сироты. Мама полюбила Веру как родную дочь. Верочка была такая красавица! Брови хоть и не чёрные и глаза синие, но на актрису похожа. И голос небесный. Она выучилась на фельдшера (у нас говорили: «фелдшер») и по направлению уехала в Никольское-на-Черемшане. Мама проводила Веру до места, вернулась довольная – ей очень понравились жители посёлка. Они были потомками крестьян помещика Дурасова, который создал свой театр, поэтому, наверное, они отличались образованностью.

Мама часто ездила к Вере: навьючится продуктами и тащит по льду через Волгу 10 километров. Перед тем как уехать, просила соседку присмотреть за домом и за детьми. Однажды нет и нет её, соседка начала волноваться, пошла искать. Дело было зимой, большие сугробы. В поле, в снегу увидела чёрную точку – мама лежала без чувств. Потом мама рассказала: «Иду, обессиленная, по сугробам, падаю... Поём снега, чтобы силы вернулись, и опять сделаю несколько шагов».

Наша Вера (в замужестве Черняева) так вспоминала далёкий 1936 год, когда она была девчонкой: «Весна в Кайбелах. Воздух такой чистый, свежий, прозрачный – аж звенел! Собрались мы в клубе: Людмила Раббе, Клавдия Симонова, Пётр Мухортов (сын бабушки

Костя Мухортов.
Служба в Советской Гавани.
14.12.1949

Петр Мухортов.
Погиб летом 1941 года.
Снимок сделан в г. Куйбышеве.
20.02.1940

Александр Мухортов.
Погиб в 1942 году

Молодёжь села Кайбелы. 1938

Клава Мухортова в общежитии
Куйбышевского планового института. 1953

Вера Мухортова
(в замуж. Черняева) с супругом

Тоня Прохорова, Рая Лобанова, Лидя Прохорова. Село Кайбелы. 1954

Пелагеи Мухортовой) и другие ребята. Не было Саши Зайцева. Вдруг слышим звук гармошки. Сидит Саша на лавочке у дома у раскидистым кустом цветущей сирени и играет вальс. Звуки вальса разливаются далеко-далеко... Это был вальс «Пережитое».

Прочла я воспоминание Веры и задумалась: что это за вальс? И поехала (в году 1996-м) к Александру Ивановичу Зайцеву. Это бывший директор нашей школы, учитель истории. Ему тогда было лет 75. Чёрные волосы, красивые брови, выразительные глаза, белое лицо – пожилой красавец!

Он не помнил, что это был за вальс, но рассказал историю о гармошке.

«В 1935 году я работал агрономом в Карсунском районе. Идём с председателем колхоза и вдруг слышим звуки гармошки. Я остановился, как замороженный. Звук чистый, красивый. Пойдем, купим? Сразу пошли, уговорили гармониста продать гармонь. Потом учился я в пединституте и уже никогда не расставался с гармошкой. Играл на слух. Во время войны продали её за пуд муки...»

Про деда Пимена Семёновича, папиного отца, надо сказать отдельно. У деда были братья Кузьма и Тимофей. Все Мухортовы работящие, предприимчивые. Кузьма попал под раскулачивание и был сослан в Казахстан. После войны приехал важный, с тросточкой, в шляпе. Он и в Казахстане смог подняться. А Пимен всем детям поставил дома – хорошие, добротные. И наш дом он построил с умом: всё так подобрано, удобно. Ох, как мы любили наш дом! Мама Агриппина просила перед смертью: «Детки, сохраните дом, не продавайте».

У самого Пимена дом потом сгорел, они с бабушкой Пелагеей поселились в конюшне. Он умер в 60 лет, а бабушка дожила до 90. Такая умная, рукастая, всё делала сама. Колодец глубокий, 20 метров, а она натаскает воды, затопит баню.

Последний сын у бабушки родился в 53 года – Петя, папин брат. Бабушка очень любила Петю. Он хорошо учился, пре-

красно рисовал. От книг не оторвать... Петя учился в институте, когда началась война, и он в 1941 году ушёл добровольцем. Его отпустили на несколько дней домой, когда шла учебная подготовка, и он сказал: «Мама, вот тебе документы, если со мной что случится, ты будешь получать за меня пенсию». Чувствовал, что не вернётся. Петя даже до фронта не доехал – разбомбили состав, тело не нашли.

Мой брат Шура родился 1926 году. Ему в декабре 1941 года исполнилось 17 лет, а в январе его уже взяли в армию – в учебку в Барыш. До 18 лет ещё целый год! Мама собрала всё самое вкусное: испекла пирог, забила курицу – поехали с соседкой (у неё тоже призывник) к детям. Мальчишки плакали. Какие войны в 17–18 лет? В 1944 году Шура тоже погиб.

На нашей улице было 20 домов, в конце – тупик, и звали её Пупок. До войны детей – полным-полно! В начале 1920-х годов родилось очень много детей. И вот какая у них судьба...

Я родилась в 1935 году. Не-нужный ребёнок: война! Мама день и ночь работала. Соседи у нас были золотые, жили одной семьёй. Я в войну то у Соколовых, то у Петровых. С Катей Соколовой крепко дружила. Она с 1931 года, старше меня, и я всему у неё училась. Моет Катя пол – я бегу домой мыть пол, натирает окна мелом – я тоже, а смыть не могу, и она даёт совет: керосинцем тряпочку смочи. Уже в возрасте я старалась отплатить Соколовым добром. Когда Катя умерла, я очень жалела, что вовремя не сказала, как её люблю. Её старшая сестра Анна рано схоронила мужа-фронтовика и в старости осталась одна. Я к ней приезжала помочь: полы помою, баню натоплю, настряпаю пельмешек. Я ж на Урале жила, там маленькие пельмешки стряпают, а у нас большие, пироженичками. Анна поначалу ругалась: что это за пельмешки? Но потом ей понравились маленькие. Незадолго до смерти она мне сказала: «Что-то мне плохо». Я-то ещё молодая была, не понимала, что

На берегу Волги (слева направо): Нина Деманова, Зоя Кирина, Рая Лобанова, Вера Немова, Тоня Прохорова. 1954

значит плохо. Вскоре мне позвонили и сообщили, что Анна ушла.

В 1940-е годы электричества в Кайбелах не было, радио не было. Телефон был у Сергеевых – один на весь курмыш. Когда на лето приезжал Алик, Верин сын, он со мной разучивал популярные песни. В Никольском было радио, и он выучил все песни. Алика называли маленьким Шаляпиным. У него, как и у Веры, был прекрасный голос и отличный слух. Я тоже выучила эти песни и всё время пела. Была среди них такая.

*В нашем парке зелёном
Многолетние клёны
Разбросали узорную тень.
Мы там часто гуляли
И всегда вспоминали
Про счастливый
и радостный день.
Полдень выдался жаркий.
У реки возле парка
Собрались мы
в большой хоровод.*

*Нас качали качели,
Мы играли и пели,
Видим –
Сталин по парку идёт.*

*Мы к нему поспешили
И его окружили
И рассказывать стали ему
И про новые школы,
И про отдых весёлый,
И про солнечный лагерь
в Крыму.*

Мой старший брат Костя был добрый, душевный человек. На тракториста выучился. Хотел жениться в 18 лет, но мама не разрешила. Он очень тосковал по своей возлюбленной.

Самого младшего ребёнка, Володю, мама родила в 41 год, он в годик умер.

Как объявили войну, не помню (радио не было), а картинка, как провожали отца, запомнилась. Он всю дорогу нёс меня на руках. Отец очень любил детей. Когда он по ранению в 1943 году демобилизовался, пошёл работать учётиком – платили зерном. Костя уже работал на тракторе, ему тоже давали зерно, поэтому хлебушек у нас был. Не досьта ели, но всё ж не голодали как другие. В школе нам давали несолёный суп из картошки и кашу из конского щавеля, так мы плохо это ели. В 1944 году стало легче жить. Папа кружевину земли попросит – посеем просо, овёс, гречуху, потом накосит, а мама вручную перерабатывает. Голодным был из-за засухи послевоенный 1946 год.

В войну к нам из Горького приехали эвакуированные – мамина сестра с двумя детьми. Жили дружно, тётя нам помогала, у нас чистота была.

В 1943 году я пошла в первый класс. Уроки у нас вела приезжая Софья Дмитриевна (её муж ра-

ботал в сельсовете), талантливая женщина, хоть и не учитель. Бумаги не было, а у неё сохранились исписанные тетради – бумага шёлковая. На полях этих тетрадей мы писали крючочки, буковки. Учиться было легко, интересно. До сих пор помню басни Крылова. После 4-го класса надо было сдавать экзамены, и мы учили билеты. Пойду за коровой, сажу на бугре, жду, когда погонят стадо, а сама учу. Дальше я училась в Крестовом городище.

В старый Новый год нас приглашала на ёлку тётя Маша Елисеева в Криушинский затон. Вечером мы (Валя и Зоя Кирины, Настя и Коля Ерёмину, Ида Мичурина, Вера Немова) шли к ней через Волгу. Тётя Маша играла на гармошке, мы пели и танцевали, а утром шли в школу по волжскому льду. Он был такой прозрачный, и казалось, что ступаешь в бездну. Мы шли, взявшись за руки, и пели песни: «Легко на сердце от песни весёлой», «Ну-ка, солнце, ярче брызни».

С благоговением вспоминаю эти вечера и тётю Машу. Она погибла геройски, спасая осенней ночью из воды молодую женщину. Пусть она услышит на небесах, что мы её помним и ходим на её могилу...

Ида Мичурина, которую я упомянула, училась в одном классе с Николаем Благовым. У меня сохранилось её стихотворение,

которое Ида посвятила поэту. Очень трогательные стихи.

Среднюю школу я окончила в 1953 году. Нравился мне тогда парень – Коля Ерёмин – лучший человек на свете. Он учился в Казани, и я хотела поехать туда же – поступать в медицинский. Но в 10-м классе я в себе засомневалась: плохо запоминала даты. И мамин брат – он в Куйбышеве окончил техникум – уговорил меня ехать в Куйбышев. «Врачей и так много, иди в плановый», – сказал он. Это было модно, экономика развивалась. Так я поступила в Куйбышеве в плановый институт. Уезжала из деревни со слезами, но понимала: детство кончилось, надо учиться дальше.

Вскоре Кайбелы ушли под воду... Был организован перенос домов в Крестово Городище. Мама попрощалась с родными могилами, с отцом. Но в целом люди были довольны. У нас вода залегала глубоко, до 20 метров, потом совсем колодца не стало. Сделали новый колодец, да далеко. За водой для скотины на Волгу ездили. Так что переселение встретили спокойно.

После окончания института в 1957 году я получила направление на Урал, в Пермскую область. Летом перед отъездом на Урал портниха в Кайбелах сказала мне: «Ты быстро замуж выскочишь». Мне стало обидно: неужели я плохого поведения? Приехала я

в район, пришла на работу. Мне дали квартиру – домик на берегу пруда на двоих с Лизой – она работала в райкоме. Вечером мы с Лизой пошли на пруд. Подплыли двое парней, стали на танцы приглашать. Один так улыбается мне, так улыбается! Валентин был спортсмен, красавец, и всё у нас быстро сложилось. В октябре мы расписались. Валентин окончил физкультурный техникум, работал в школе. Ему дали жильё. В 1959 году у нас родилась дочь Оля, в 1962 году – Светлана.

В 1968 году мы с двумя детьми приехали в Ульяновск. Мы с Валентином устроились на работу в воинскую часть.

Сначала жили в бараке, потом нам дали домик. Большие окна, сад. Были и кошечка, и собачка. Мама дала кур. Мы счастливо жили. И дочки мои вспоминают то время с радостью: красота, свобода! Потом стали ломать бараки, и нам дали квартиру на Нижней Террасе.

У Валентина было слабое сердце. Как-то он сказал мне, что скоро умрёт. Так и получилось. Он ушёл из жизни в 1994 году.

Он был очень музыкальный, и дочке Светлане передан его талант. Я сама с детства любила петь, мечтала играть на балалайке, поэтому отдала Светлану в музыкальную школу и, когда она выбрала профессию музыканта, поддержала её. Моя внучка Арина, дочь Светланы, тоже окончила музыкальную школу, играет на скрипке. Дочь Оля с семьёй уехала в Москву, она преподаёт в университете.

Никогда не забуду родное село, наш дом на берегу Волги.

...Тёплый летний вечер. Окна раскрыты настежь. С Волги веет прохлада и доносится неповторимый запах свежей волжской воды... И вдруг из-за Шиловской горы выходит паром, весь в огнях, и разливаются песни в исполнении Бунчикова, Нечаева, Утёсова – по воде они долго слышны: «Сирень-черёмуха», «Одинокая гармонь», «Вьётся вдаль тропа лесная»...

Я выбегаю из дома и бегу, бегу, бегу вдоль берега, чтобы песни юности не кончались.

Клавдия и Валентин Уральские с дочерьми Светой и Олей. 1970